

ДЫХАНИЕ, РОЖДАЮЩЕЕ ЧУДО

Одной из самых «долговечных» и, пожалуй, любимых ролей Ишмуллы Дильмухаметова на драматической сцене является роль Надыра в спектакле «Черные розы». Он играет ее на протяжении многих лет, и зритель с неизменным интересом и сочувствием внимает трогательной и экзотической любви двух молодых — юноши и девушки горного Афганистана...

Впрочем, экзотична в спектакле не только любовь — вся красочная декорация, световые перебивы, сами людские взаимоотношения.

Начало спектакля, точно сказка. И в центре этой сказки — смуглый коренастый юноша с жгуче-черными глазами и такими же отливающими смолью волосами. Он возникает из бездн горящего заката вместе со своей спутницей — песней. Гортанно-протяжная, она дышется необычно, словно эхо горных перека-

тов...

Таков Дильмухаметов в «Черных розах».

И когда в составе Башкирского ансамбля народного танца Ишмулла летел в Афганистан, он невольно готовился вступить в царство столь близкой ему сказки, почувствовать знакомые мотивы, уловить тугое биение горных ветров.

Разумеется, это было настроение роли, порыв высокогорного перелета через заснеженные хребты, ощущение новизны.

И, разумеется, сказки не было. Было изнурительное солнце, чудовищное пекло, которое сводило судорогой губы и выедало соль глаза.

Но в стране, где еще много пережиточно-феодалного и паносно-иностранного, он сразу увидел прототипов тех героев, которых он знал по пьесе «Черные розы». Эти прототипы — молодые, прогрессивно настроенные люди, жадно тянущиеся к свету, к революционным преобразованиям, культуре... Они сами переводили пьесы Чехова и Горького и сами ставили их на сцене. Они хотели как можно больше знать о Советском Союзе и мечтали там побывать.

Ишмулла увидел народ Афганистана — добрый и великодушный, с благоволенным интересом относящийся к советским людям. На концерты наших артистов собирались тысячами, часами сидели под палящими лучами, отирая липкий пот, и разве можно было не отдавать все силы ради такого внимания!

И каково было изумление афганцев, когда на одном из концертов Ишмулла вышел на сцену с наем — народным афганским инструментом — и заиграл знакомую всем народную песню. Сначала его приняли за своего музыканта, благо Дильмухаметов успел за несколько дней обрести идеальную смуглость, вполне закономерную для тех мест. Когда же выяснилось, что на сцене играет советский артист, посланец неведомой Башкирии, восторгам и удивлениям не было конца. Всем хотелось поближе разглядеть этого человека, пожать ему руку или хотя бы дотронуться до его одежды.

Но, право же, Дильмухаметову не надо было долго и терпеливо осваивать чужой инструмент. Первый раз в жизни он взял его в руки, деловито осмотрел со всех сторон, отметив про себя, что афганская свирель значительно короче и толще курая и на ней меньше отверстий. Затем он поднес ее к губам и... заиграл. Тугой и легкий звук повис в воздухе, готовый при каждом прикосновении к отверстиям изменить окраску и высоту.

Выучить чужую мелодию для Ишмуллы тоже не составляло особого труда. У него с отрочества был абсолютный слух к восточным песням. Он запоминал их едва ли не с первого раза, и в том сказывались его природная музыкальность и страсть к сочинительству.

В Пакистане — следующей после Афганистана стране, где гастролировали наши артисты, — Ишмулла играл пакистанцам их затененные, как восточный орнамент, мелодии.

И когда этот удивительный исполнитель выходил на сцену с незнакомым народным инструментом по названию «курай», пакистанцы слушали с особенным любопытством, как бы пытались разгадать тайну далекого неведомого народа.

«С чем можно сравнить голос курая, который извлекает из самого обыкновенного роста этот веселый и смуглый башкир? — читаем мы в пакистанской газете, которую привезли с собой наши артисты. — Он напоминает то гул ветра в кронах деревьев, то звон журчаще-

го ручья в тайниках оврагов, то томительный шепот весеннего пробуждения... Но что бы это ни было, это голос самой природы, самых поэтических ее основ».

Надо отдать должное проникновенности и верному чутью журналиста: он действительно уловил главное в башкирском народном инструменте — его природное начало.

О курае писано немало, и вряд ли надо повторяться. Но без преувеличения можно утверждать, что курай — один из своеобразнейших даров природы. Есть много духовых инструментов, берущих начало от самой простой дудки. Все они «сквозные», с клапанами и звучат, так сказать, от «чистого» дутья.

Курай в этом смысле — совсем другое дело. Он имеет отношение ко многим артикуляционным органам исполнителя, когда и гортань, и язык, и преддесневые ткани работают в исключительном мускульном напряжении, а дутье представляет собой не что иное как придыхание. Это уже само искусство — извлекать звук из курая. Он как бы специально создан для исполнения башкирских народных мелодий.

В разное время были свои выдающиеся мастера курая. Это и Исянбаев, и Ушанов, и Валеев, и Сарбаев... С каждым из них связана особая страница в истории народного инструмента. Исянбаеву суждено было прожить «окно в Европу» — он с успехом играл на сценах крупнейших театров Берлина и Парижа. Ушанов нерасторжимо соединил курай с драматическим и танцевальным искусством. Сарбаев был признанным кураистом Башкирской кавалерийской дивизии на фронтах Отечественной войны. Его курай служил вместо горня. Многим шаймуратовцам памятен факт, когда Сарбаев изготовил курай из трубки подбитого фашистского самолета и давал на нем «трофейные» концерты... Но, по мнению знатоков, именно Ишмулла Дильмухаметов соединил в себе наиболее сильные стороны мастерства многих кураистов. Точнее, не столько соединил, сколько извлек особый звук, который при всей своей богатой многогранности отличается неповторимым своеобразием. Он, этот звук, не просогидет из сердцевины растения, а вырывается из самого глубокого нутра исполнителя, одушевляется клапанами его сердца. Это не просто красивые слова. Присмотритесь внимательнее к игре Дильмухаметова, к его лицу, глазам, пальцам, скользящим по сухим волокнам инструмента, и вы увидите, что курай и исполнитель — нечто единое целое, как бы неразделимое музыкальное существо... Вот кураист оторвал невучий росток от заперевших губ, а мелодия продолжает литься, только более придыхательно и гортанно. Это заговорил другой «инструмент» — горловые связки, пение которых носит название «узляу».

Ишмулла учился играть на курае у своего отца Ишбуллы Дильмухаметова, известного в свое время кураиста, которого в конце тридцатых годов не раз приглашали играть на сцене уфимской филармонии. Ишбуллы-ага — потомственный хайбуллинский степняк — сумел передать своему сыну какую-то особую, жестковато-раздольную тональность, столь свойственную солончаковым раздольям южных башкирских просторов. В ней угадывается сама природная широта: и мотивы истории, исеченные ветрами кочевий, и особый склад степняцкой души, отличающийся мужеством и наивноватым простодушием. Ему присуща страсть к импровизации, когда любой встречный предмет или случайное явление могут послужить поводом для пения. В своей игре Ишмулла всегда остается импровизатором. Он не может одну и ту же мелодию дважды сыграть одинаково, ибо каждый раз вносит в нее нечто новое, продиктованное его душевным воображением. Это тоже делает его художником особого, глубоко народного склада.

Мечта Ишмуллы Дильмухаметова — возвести курай в ранг вполне «цивилизованных» инструментов, чтобы он звучал в оркестре, чтобы для него специально сочиняли музыку композиторы. Кто знает, может быть, мечта наявная. Но она лишней раз доказывает ту удивительную серьезность и ответственность, с которой подходит кураист к своему глубоко древнему искусству. Его мастерство широко популярно в народе. И надо видеть, с каким энтузиазмом встречают жители разных районов и городов республики его выступления. И недаром ему, первому среди кураистов, присвоено высокое звание — лауреата премии имени Г. Саяма...